
Философско-методологические проблемы

РАЗМЫШЛЕНИЕ АВТОРА НА СКЛОНЕ ЛЕТ О СМЕРТИ И ЖИЗНИ

В.М. РОЗИН

Розин Вадим Маркович — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Развивает свое направление методологии, основанное на идеях гуманитарного подхода, семиотики и культурологии. Автор более 300 научных публикаций, в том числе 42 книг и учебников, среди которых: «Философия образования» (1999), «Типы и дискурсы научного мышления» (2000), «Культурология» (1998–2004), «Эзотерический мир. Семантика сакрального текста» (2002), «Личность и ее изучение» (2004), «Психология: наука и практика» (2005), «Методология: становление и современное состояние» (2005), «Мышление и творчество» (2006), «Любовь в зеркалах философии, науки и литературы» (2006).

Контакты: rozinvm@mail.ru

Резюме

Автор пытается осмыслить свой юбилей, соотнося свои представления о жизни и смерти с общефилософскими. Анализируя представления Платона, намечающего два пути — перестройки других людей и общества (что у него не получилось) и переделки себя самого, что, напротив, удалось, и сравнивая взгляды Платона на спасение с идеалами М. Фуко, автор обсуждает собственные представления о жизни и роль в их реализации своих ценностей. Обсуждение представлений о смерти показывает, что она выступает важным моментом жизни и самоопределения личности. Все эти размышления автор конкретизирует относительно своей жизни.

Ключевые слова: жизнь, судьба, концепция, смерть, самоопределение, личность, справедливость, благо.

В этом году мне исполнилось 75 лет. На дне рождения, который мне не хотелось отмечать как юбилей, я сделал до-

клад о своем творческом пути в философии и науке, мне дружно желали не только здоровья, но и продолжения

творческой деятельности. Говорили: пиши, преподавай, делай доклады, не снижай темпа, чтобы у тебя выходило каждый год больше статей и книг; а некоторые друзья (не буду называть по имени) уже планировали, как они будут отмечать мое 80-летие. И это на фоне старения и разных возрастных болезней. Вспоминая все, что мне наговорили, я задумался. Получалось, что мне желали бессмертия. Не приведения моей жизнедеятельности в соответствие с годами и силами, не примирения с конечностью жизни, а наоборот, ускорения и полета жизни. Спрашивается: куда? Если бы я был последователь трансгуманистов, которые верят в достижение скорого бессмертия техническим путем, еще куда бы ни шло, но ведь я, скорее, их критик¹.

Я подумал, а не надо ли, наоборот, четко держать в уме конечность своего бытия, не предаваться иллюзии вечной жизни, постепенно по мере необходимости отказываться от желаний, для осуществления которых уже нет сил, вообще стоически направлять свою жизнь к неизбежному концу, а не пытаться изо всех сил задержаться как можно дольше

здесь, в этом прекрасном и сумасшедшем мире. Вот Михаил Жванецкий примерно в моем же положении советует «прикрутить фитиль, чтобы подольше светить»; вряд ли это решение, прикинул я, меня устраивает.

А что устраивает? Платон, подводя итог своей жизни, писал в античной манере о себе в третьем лице. «Такой человек, даже восполнив смертью удел своей жизни, на смертном одре не будет, как теперь, иметь множества ощущений, но достигнет единого удела, из множественности станет единством, будет счастлив, чрезвычайно мудр и вместе блажен» (Платон, 1994, с. 458), т.е. Платон не боялся смерти («множества ощущений») и считал, что, реализовав свою программу спасения, стал один и блажен, как боги. В данном случае речь идет о программе, которую сегодня называют платоновским учением анамнезиса (припоминания)². Великий философ античности считал, что истинное знание и знание идей — это воспоминание (память) о том, что душа созерцала до своего рождения в божественном мире. Платон подчеркивал, что припоминание и работа

¹ «Опираясь на научные достижения и прогнозы, трансгуманизм признает возможность и желательность (некоторые трансгуманисты добавляют: «необходимость и неизбежность») фундаментальных изменений в положении человека. Мы считаем, что с помощью передовых технологий люди в недалеком будущем смогут ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить свои физические, умственные и психологические возможности» (Введение в трансгуманизм, 2005).

² «Если же душа, будучи бессмертной и часто рождаясь, все видела и здесь и в преисподней, так что нет вещи, которой бы она не знала, то неудивительно, что в ней есть возможность припоминать и добродетель, и другое, что ей известно было прежде. Ведь так как в природе все имеет сродство и душа знала все вещи, то ничто не препятствует ей, припомнив только одно, — а такое припоминание люди называют наукою, — отыскивать и прочее, лишь бы человек был мужествен и не утомлялся исследованиями» (Платон, 1990, 81cd).

человека над собой («вынашивание духовных плодов», как он пишет в «Пире») неотъемлемы друг от друга. В «Федоне» он на разные лады говорит об этой работе: здесь и аскетизм жизни в целом, и блокирование связанных с телом чувственных ощущений и удовольствий, и постоянные упражнения, и необходимость посвятить себя философии, и сосредоточение души на истине, и собирание ее «в самой себе», и вера в подлинный мир.

Плата же за все эти труды — вечная и прекрасная жизнь. А. Лосев в комментариях к «Горгию» пишет: «У Платона не раз встречаются упоминания и описания судьбы души в загробном мире. В “Федоне” рисуется подробный путь души в Аид, а также “истинное небо, истинный свет и истинная земля” иного мира, где все прекрасно, все полно света и сияния. Вместе с тем подробно изображена топография Тартара и подземных рек. Те же, “кто благодаря философии очистился полностью, впредь живут совершенно бестелесно и прибывают в обители еще более прекрасные”» (Платон, 1994, с. 810).

Платоновское решение проблемы послесмертного бытия — это всего лишь одна из линий, была в античности и другая. Вряд ли концепция Платона была понятна и приемлема для среднего античного человека, который, как правило, не был личностью. Личностями становились

философы, правители, политики, люди искусства, именно к ним и обращается Платон. Для остальных же более понятны были орфические и дионисийские мифы и мистерии («оргии»). Последние тоже давали уверенность в вечной жизни, но достигалась надежда бессмертия другим путем. Не нужно было рассуждать и работать над собой, единственное, что требовалось, — включиться в мистирию, идентифицировать себя с Орфеем, Дионисом или Осирисом. В свою очередь, чтобы включиться в мистирию, нужно было войти в особое состояние (Вячеслав Иванов называет его «пафосом» и «очищением страстями»), прожить это состояние, пережить «катарсис», успокоительное разрешение, освободиться от страха перед смертью, почувствовать возможность бессмертия³.

Нетрудно сообразить: для того чтобы уподобиться Дионису и его перипетиям, действительно необходим пафос, ведь воспроизвести нужно было не что-нибудь, а саму смерть и воскрешение. Пережив очищение страстями, античный человек, с одной стороны, на время освобождался от владеющих им страхов перед смертью, с другой — соприкасался с предстоящим воскрешением. Другое дело, что, выйдя из оргии, он снова оказывался лицом к лицу со всеми своими страхами. Кстати, вероятно, поэтому орфики старались одни оргии перевести в другие, т.е. превратить

³ «Пафос» и «катарсис», — замечает В. Иванов, — неразделимы <...> Оттого вакханки поют в трагедии Еврипида: “блажен, кто, взысканный богами, познал их таинства и освящает жизнь, соборуюсь душой с общиной Диониса, славит его в горах боговдохновенными восторгami и делается причастником святых его очищений”» (Иванов, 1994, с. 209).

саму жизнь в непрерывную мистерию (позже и параллельно, как известно, на этой почве сложилась античная трагедия). Вряд ли такой подход и способ жизни мог устроить Платона. Он приходит к совершенно другому решению: сознательному построению собственной жизни, выводящему человека к бессмертию. Правда, для этого ему пришлось открыть, по сути, создать новую реальность — нарисовать новую рациональную картину загробного мира и поступков человека в нем.

Если опустить мифологические образы (представляющие собой естественную дань античному сознанию), то платоновские построения можно понять следующим образом. Платон стремится убедить нового античного человека действовать разумно, а не просто удовлетворять свои желания и страсти. Действовать так, чтобы потом не жалеть о содеянном. Сюда же относится задача объяснить, что жизнь не ограничива-

ется только существующими ситуациями и событиями, что есть реальность — посмертное бытие, включающее жизнь человека как свой момент, причем от того, как он живет на земле, зависит характер этого бытия. Стремится Платон объяснить, что смерть есть благо, если человек живет правильно и разумно, но — зло и страдание, если он живет неправильно и неразумно. Важной проблемой для Платона является и определение способа жизни, который позволяет встречать смерть спокойно, без страха⁴. Стоит обратить внимание на то, что все эти проблемы важны, прежде всего, именно для *личности*, т.е. человека, сознательно переходящего к *самостоятельному поведению*, вначале отличному от общепринятого (Сократ), сознательно пытающегося *выстраивать свою жизнь*. Такое поведение стало формироваться начиная с античности, но окончательно сложилось и стало массовым только в Новое время.

⁴ Переживание приближающейся смерти — один из распространенных страхов античного человека. Оказаться же на том свете, в царстве Аида, одному, на вечные времена, без всякой возможности жизни — что может быть страшнее? В стихотворении (VII–VI вв. до н.э.) к своему другу Меланиппу великий лирик Лесбоса Алкей пишет (перевод Вячеслава Иванова):

Что, Меланипп, обещает нам тризна плачевная?
Вправду ли мнишь, переплыв Ахеронта великий вир,
Некогда в теле воскреснуть и солнца небесного
Чистый приветствовать свет? Высоко ты заносишься!..
Тяжкий, под глыбами черной земли. Не надейся же,
К мертвым сошед, преисподней покинуть обители.

(Иванов, 1994, с. 171)

Приводит Вячеслав Иванов и такие почти уже болезненные слова поэта Феогнида:

Лучший удел из уделов земных — не родиться на землю;
Дар вожделенный — не зреть солнечных острых лучей.
Если ж родился, скорее пройти чрез ворота Аида, —
В черную землю главу глухо зарыв, опочить.

(Там же, с. 199)

Платон и Аристотель ориентировали становящуюся античную личность на идеи *справедливости, блага*, даже *Бога (Разума)*, понимаемого, конечно, философски⁵. С точки зрения представлений о справедливости и благе, более широко — необходимом социальном порядке, — особенно если считать, что реальность должна быть только такой, жизнь общества и отдельных людей, как правило, выглядит неправильной, эгоистической. Поэтому уже в античности появляются пионеры, пытающие изменить и перестроить общественную жизнь и людей. Но если Сократ просто рассказывал, как правильно жить, и старался сам жить достойно, то Платон встал на позицию сознательного реформирования и своей и общественной жизни. В «Государстве» великий философ не только мыслит проектно по отношению к общественному устройству («Так давайте же, говорит он устами Сократа, займемся мысленно построением государства с самого начала. Как видно, его создают наши потребности»), но и обсуждает условия реализации такого «проекта» (Платон, 1994а, с. 130). К последним Платон относит наличие самого проекта и соответствующих знаний, подготовку из числа философов, если можно так сказать, государственных работников и реформаторов, решивших посвятить свою жизнь общественному переустройству, наконец, поиск просвещенных правителей.

«Между тем, — говорит Сократ, — достаточно появиться одному такому лицу, имеющему в своем подчинении государство, и человек этот совершит все то, чему теперь не верят <...> Ведь если правитель будет устанавливать законы и обычаи, которые мы разбирали, то не исключено, что граждане охотно станут их выполнять» (там же, с. 283). Понимает Платон и то, что без кардинальной переделки человека (т.е. не выводя людей из «пещеры на солнечный свет») создать новый общественный порядок невозможно. Основные надежды здесь Платон возлагает не на принуждение, а убеждение, поощрение и образование. «Если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору и не отпустит, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насильем? А когда бы он вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему говорят» (там же, с. 296).

Как известно, ни один из проектов переустройства государства Платону осуществить не удалось. Он не нашел просвещенного правителя и не смог увлечь своими идеями свободных граждан. Не удивительно поэтому, что на склоне лет Платон с горечью пишет в «Законах»: «Всему указанному сейчас вряд ли когда-нибудь

⁵ Это не означает, что в античности не было других типов индивидуальности. К закату античной культуры в Риме сложился тип личности, можно сказать, прямо противоположный платоновскому. Здесь идея заботы о себе была понята эгоцентрически, как *своеволие*, как *стремление удовлетворить любые свои желания*, какими бы странными или даже чудовищными, с точки зрения других людей, они ни были.

выпадет удобный случай для осуществления, так, чтобы все случилось согласно нашему слову. Вряд ли найдутся люди, которые будут довольны подобным устройством общества <...> Все это точно рассказ о сновидении, точно искусная лепка государства и граждан из воска!» (Платон, 1994, с. 198).

Но в отношении лично себя замысел – припомнить, занимаясь философией, мир идей и богов, который душа созерцала до рождения, – Платону вполне удался. Но вот что любопытно: как Платон при этом понимает собственную физическую смерть, вряд ли он ее отрицал, это очень трудно сделать, глядя на других. Платон сам ничего об этом не говорит, но догадаться нетрудно. Если человек стал блаженным и достиг неба, физическая смерть для него малозначимое событие. Безусловно, событие, все-таки смерть – окончательный переход от этой земной жизни к небесной, но скорее событие желательное, чем страшное. Кстати, и многие эзотерики точно так же относились к своей смерти.

Итак, Платон намечает сразу два пути – перестройки других людей и общества (что у него не получилось) и переделки себя самого, что, напротив, удалось. Очевидно, Платон считал, что спасать только себя одного неправильно, что правильная жизнь предполагает общее движение в том же направлении, такую организацию полиса, которое отвечает миру идей (впрочем, в «Государстве» он об этом прямо говорит). Интересно, что намеченное Буддой примерно в то же самое время восточное решение проблемы спасения было в каком-то смысле противоположным. Будда

утверждал, что спастись человек должен принципиально один, а другие и общество – такая же иллюзия сознания, как и желания, которые нас разрушают.

Вспоминая учение Платона, я подумал: а не пошло ли человечество по пути, указанному великим мыслителем античности. Разве не стараемся мы изо всех сил игнорировать смерть, превратить ее в незначимое событие нашей жизни. С одной стороны, мы печемся о своем здоровье (лечимся, протезируем стареющие органы, делаем зарядку, стремимся вести здоровый образ жизни и пр.). Иными словами, стараемся минимизировать или вообще избежать страданий и болезней, связанных со старением и приближающейся смертью. С другой стороны, не все, но озабоченные спасением люди стараются так переосмыслить смерть, чтобы она действительно стала малозначимым событием. Но дело, конечно, не в простом переосмыслении, а в направленности и характере нашей жизни, которые должны быть правильными. Естественно, может возникнуть вопрос: а что такое правильная жизнь?

Во-первых, правильная жизнь не дана нам как объект, не внеположна личности; в отношении правильной жизни человек устанавливается в результате работы и рефлексии, в этом отношении характеристики правильной жизни мы нащупываем и пересматриваем. Во-вторых, каждая личность конституирует правильную жизнь по-своему. Для пояснения можно привести два примера понимания правильной жизни. Экзистенциальное самоопределение Мишеля Фуко (т.е. его понимание правильной

жизни) включает следующие положения: конституировать, делать себя, ориентируясь на реальность, осмысляя ее; сопротивляться тем социальным институтам, которые подавляют личность; делать свою жизнь как произведение искусств; жить и мыслить так, чтобы преодолевать свое прежнее сложившееся бытие; быть открытым новому, переосмыслять и себя, и внешнюю реальность.

«Я мечтаю об интеллектуале, — пишет М. Фуко, — который сокрушает очевидности и общие места, который в инерции и ограничениях настоящего находит и отмечает слабые места, трещины, силовые линии, который постоянно находится в движении, не знает точно, куда он двинется и как он будет думать завтра, потому что он уделяет слишком большое внимание настоящему». М. Фуко интересовала возможность «узнать, в какой степени работа осмысления своей собственной истории может освободить мысль от того, что она мыслит втайне от самой себя, и дать ей возможность мыслить иначе». «Из идеи того, что Я не дано нам, есть только одно практическое следствие: мы должны творить себя как произведения искусства». Быть свободным «означает не быть рабом самого себя и своих стремлений — это подразумевает, что мы устанавливаем с самими собой известные отношения господства, укрощения, которые называются *arche* — власть, сдерживание». Эта критическая функция философии до известной степени проистекает из Сократовского императива: «Занимайся собой», т.е. «Самообладанием положи в основу себя свободу» (Дикон, 2008, с. 53–60).

У меня иная картина. Я стремлюсь жить в ладу с самим собой. Стараюсь делать себя, но не как произведение искусств. Пытаюсь, с одной стороны, соответствовать своему пониманию, что есть человек, с другой — критически осмысливать эти свои убеждения. С одной стороны, я следую принципу, что «человек сам себе не судья», с другой — считаю, что критическое отношение к себе — залог правильной жизни. С одной стороны, я стараюсь принимать себя, каким являюсь «здесь и сейчас», с другой — работаю над собой, надеясь со временем измениться в лучшую сторону. Я не считаю себя гением, но делаю все, чтобы через меня состоялись культура и жизнь. Я признаю свою зависимость от других людей и совместность с ними своей жизни. Поэтому стараюсь помочь людям и сделать все, чтобы способствовать культуре. Одновременно готов отстаивать свою свободу как личность и возможность критического отношения к существующей жизни. Духовность и мышление для меня являются ценностями, а нравственное и порядочное поведение — не пустой звук. Наконец, я не исключаю, что могу заблуждаться по поводу правильности своего пути.

Нетрудно заметить, что представления М. Фуко и мои исходят из убеждения, что нельзя раз и навсегда конституировать жизненный путь личности, что в течение жизни это приходится делать неоднократно. Тем не менее это не означает, что нет определенных экзистенциальных универсалий, что жизнь человека можно конституировать произвольно. Мы конституируем себя в пространстве культурных оппозиций и

общих условий, которые, конечно же, меняются со временем, но не исчезают вообще. В число этих общих условий и универсалий входят традиции, которым мы следуем и которые одновременно преодолеваем, и сама работа по конституированию жизни личности. В наше время перемен и перехода, во внеэтическую эпоху об этом не стоит забывать, поскольку от характера конституирования себя во многом будет зависеть и качество нашей жизни. Важную роль в конституировании себя и реальности играют *поступки* человека (пересмотр своей жизни, решение ее изменить, экзистенциальный выбор и т.п.).

Опыт жизни показывает, что реализовать мой или фукианский идеал очень трудно, что это не просто установки сознания и видение. Реализация подобных идеалов, скриптов и картин жизни выливается в работу над собой, в преодоление себя, в сознательное построение своей жизни. Причем в самых разных направлениях: в отношении своих ценностей и экзистенций, в отношении здоровья, в отношении видения и понимания, мышления и деятельности, духовности и телесности и пр. Может показаться, что подобная работа вообще-то обычная жизнь, ну, несколько сложнее, чем в среднем. Ну

что из того, что человек направляет свою жизнь и старается при этом реализовать какие-то свои идеалы и скрипты? Кажется, что подобная работа не должна кардинально менять природу самой жизни.

Но вот недавно я прочел В.И. Вернадского и задумался. В.И. Вернадский утверждает и показывает, что не физическое время и реальность есть причина существования феноменов, как утверждал Аристотель⁶, а, наоборот, *жизнь и существование гуманитарных и социальных феноменов выступают условием физических процессов*, во всяком случае тех, которые характерны для эволюции Земли и феноменов, изучаемых в гуманитарных и социальных науках. Именно биологическая жизнь, по Вернадскому, определяла не только другие формы жизни, но и природные, геологические процессы, идущие на земле.

«По-видимому, — пишет В.И. Вернадский, — не менее глубоко можно проникать в изучение физического времени путем исследования жизненных явлений. Время физика, несомненно, не есть отвлеченное время математика или философа, и оно в разных явлениях проявляется в столь различных формах, что мы вынуждены это отмечать и в нашем эмпирическом знании. Мы говорим

⁶ «Поскольку Боги, — пишет Франсуа Жюльен, обсуждая происхождение в античной философии представления о времени, — по крайней мере в их первоначальном виде отступают на задний план, “Время” некоторым образом замещает их в чисто объяснительном, абстрактном плане... Этот высший, абсолютизированный образ времени, как мы видим, вновь появляется у Аристотеля после того, как он определяет время физически как число движения, и я поражаюсь тому, что комментаторы не уделяют ему большего внимания... Вот почему, — отмечает Аристотель, — мы продолжаем говорить, что время поглощает... все вещи испытывают его воздействие, оно “само по себе есть причина разрушения”» (Жюльен, 2005, с. 124–125).

об историческом, геологическом, космическом и т.п. временах. Удобно отличать биологическое время, в пределах которого проявляются жизненные явления.

Это биологическое время отвечает полутора — двум миллиардам лет, на протяжении которых нам известно на Земле существование биологических процессов начиная с археозоя. Очень возможно, что эти годы связаны только с существованием нашей планеты, а не с действительностью жизни в Космосе. Мы ясно сейчас подходим к заключению, что длительность существования космических тел предельна, т.е. и здесь мы имеем дело с необратимым процессом. В пределах этого времени мы имеем необратимый процесс для жизни на Земле, выражающийся в эволюции видов. С точки зрения времени, по-видимому, основным явлением должно быть признано проявление принципа Реди (живое происходит только от живого. — *V.P.*)» (Вернадский, 1992, с. 193).

«Этот вывод, — замечает Г.П. Аксенов, — является глубоко продуманным выводом над обобщением исследований живого вещества и биосферы. На нем, на этом выводе, собственно новой парадигме времени и пространства, построено как учение о биосфере, так и новая космологическая схема В.И. Вернадского, согласно которой жизнь имеет космический статус <...> В.И. Вернадский осознал, что тот вывод биостратиграфии, что время служит для периодизации геологических явлений, является не случайным признаком, существующим для удобства, а имманентным свойством геологической истории. Биологическая эволюция,

идущая на Земле начиная с археозоя, говорит В.И. Вернадский, это не случайное явление, а закономерное. Именно она, эта эволюция, и длит время, если пользоваться понятием А. Бергсона о чистой длительности. В другой статье он прямо соединяет биологическое время и дление А. Бергсона: “Бренность жизни нами переживается как время, отличное от обычного времени физика. Эта длительность — дление”» (Аксенов, 2012).

Какое это имеет отношение к жизни и смерти современной личности? Если личность идет по пути спасения, переделывая себя, работая над собой, то именно эта работа является целым в отношении жизни, определяет ее. А следовательно, человек, идущий по пути спасения и преодоления своей смерти, так сказать, подвигающийся в спасении, — это не обычный человек, а новый антропологический тип. Его эволюция идет под влиянием работы спасения, определяя (подобно тому как биологическая жизнь определяет геологическую историю) протекание и разворачивание индивидуальной жизни. Такой человек не только выламывается из средней культурной и социальной жизни, но и реализует уникальный способ и линию жизни, определяемые во многом указанными выше индивидуальными идеалами, скриптами и картинками. В этом отношении появление в античности личности, а также работа по спасению знаменуют собой формирование новых типов жизни и социальности. Социум — это один тип социальной жизни и социальности, кстати, единственный до античной культуры, личность — другой тип жизни и

социальности, находящийся, как я показываю в своих исследованиях, в симбиотическом отношении с социумом, личность, подвизающаяся в спасении, — третий тип жизни и социальности. Но вернемся к прозе жизни. Прозе, которая для некоторых включает в себя высокую духовность.

Вот, например, Николай Бердяев не мог помыслить прозу жизни вне духовности, для него жизнь вне Бога и творческой духовной работы была провинциальна, вообще — не жизнь. Иногда и меня поражает, как это люди живут от одного дня до другого ничего не значащими событиями: неинтересная работа, вынужденный отдых, мелкие развлечения. Не меньше удивляет, что большинство людей и не ищут в своей жизни какого-то смысла, не хотят ее менять, не подозревают, что возможна совершенно другая жизнь, по сравнению с которой их бытие — только вынужденный быт. Правда, когда так рассуждаешь, то меряешь чужую жизнь собственным метром. Оказывается, только ты живешь духовно, а другие — прозябают. Нет, каждый человек имеет свой мир, в котором он находит смысл своего существования. Для бомжа, нашедшего на помойке старое одеяло, это событие не менее яркое и значительное, чем для меня выход в свет новой статьи или книги. К тому же прежде чем прорываться к звездам, приходится делать тысячу мелких и неинтересных дел.

Тем не менее я стремлюсь к такой жизни, в которой есть место духовным событиям и идеальному. Предпочитаю жить творчеством, событиями истории философии, убежать во

времени как назад, так и далеко вперед. Кому-то моя жизнь может показаться скучной и неинтересной: ни путешествий, ни тусовок, ни машины, обычная квартира, дача — небольшой деревенский сруб у черта на рогах, под Угличем, непрерывная работа и преподавание, опять работа и преподавание. Даже жена часто не выдерживает и ворчит, она как раз любит путешествия, театр, общение с друзьями, на одном телефоне может проболтать с приятельницей больше часа.

— Я с тобой не живу, — говорит она в сердцах, — все, буду путешествовать сама, без тебя, меня давно Лена зовет в Израиль, хочу поехать в Париж, Лондон, в Мадрид. Хоть ты и говоришь, что не любишь Запад, а сам уже был и в Праге, и в Варшаве, и в Берлине, и в Лондоне, ездил даже в Штаты.

— Да, — соглашаюсь я, — был, в командировке. Но я не против, если хочешь, поезжай и в Париж, и в Лондон.

Мне кажется, что проблема власти и смерти отчасти решается в том же ключе. Главное, не сколько ты живешь и кем управляешь, а в какой реальности. Это понимал уже А.С. Пушкин, влагая в уста своего героя притчу об орле и вороне: «Чем триста лет питаться падалью, — говорит Пугачев Гриневу, — лучше раз выпить живой кровью, а там что Бог даст». Власть и бессмертие — это не большая должность или бесконечная жизнь, а возможность подключиться к таким событиям, которые сверхзначимы для человека. Большой начальник, будучи часто совсем маленьким человеком, именно за счет власти имеет дело с событиями

большого масштаба. Бессмертие — это, прежде всего, возможность ощутить себя богом, бесконечность бытия — лишь приложение к этому ощущению.

Я и на самом деле не люблю путешествовать, и вот почему. Во-первых, меня раздражают туристы, во-вторых, мне кажется, что проникнуться духом старины или познакомиться с какой-то страной можно лишь пожив в данной местности, а не пролетев мимо, подобно комете. Моя жена Наташа все эти соображения считает снобизмом. Однако главное все же было в другом: я путешествую, пожалуй, больше других, но не в обычном географическом пространстве, а в своем воображении, точнее, в мышлении. Когда я решаю задачи, преодолевая мыслительные завалы и перевалы, то чувствую всю полноту жизни. Здесь есть свои тропинки и дороги, свои моря, которые необходимо переплывать, свои горы и долины, страны и континенты, свои победы и поражения, периодически открываются грандиозные перспективы. Когда почему-либо — правда, это случается нечасто — я вынужден прекращать мыслительную работу, то всегда боюсь, что не смогу больше решать задачи, разучусь мыслить, не вообще, а на том уровне, который считаю достойным. Все это, конечно, смешно, и каждый раз выясняется, что мое мышление не стало менее эффективным, скорее, наоборот.

Другого рода путешествия представляет собой писание статей и книг. Практически всегда, чтобы написать текст, я вынужден преодолевать себя, делать волевое усилие. Но когда начинаю писать, обнаруживаю, что во мне раскрывается, можно

сказать, рождается другой человек, о котором я не догадывался. Это интересно. Стихия писания, без которой я не могу жить так же, как и без мышления, позволяет уходить в трудный, но увлекательный и родственный мир, в котором можно бесконечно путешествовать, открывать новые миры, проживать удивительные события.

Однако бывают моменты, когда я с трудом выдерживаю прозу жизни. Привычка к анализу и объяснению, вероятно, делает все понятным и пустым. Реальность становится плоской и одномерной, в ней нет тайны жизни. К тому же с годами приходится признать, что есть и неразрешимые проблемы. К ним, в первую очередь, относятся взаимоотношения с близкими — женой и детьми, воспитание последних, а также болезни. Воспитание — это установление баланса между контролем за детьми и предоставлением им самостоятельности; об этом писал уже Фридрих Фребель. Воспитание предполагает разотождествление с собственными детьми, что для любящих родителей сделать очень трудно. Проблема также в том, в какой степени родители считают себя ответственными за воспитание своих детей. Со временем я понял, что единственное лекарство от неразрешимых проблем — работа и творчество. Отчасти, конечно, это прибежище. Но что делать, приходилось мириться с тем, что ты не так мастеровит, как хотелось бы, что есть силы и обстоятельства сильнее тебя, что слабость — тоже человеческое качество. Не только работать с собой, но и принимать себя со своими недостатками — вот утешительная формула,

на которую я в конце концов вышел. Теперь о работе, позволяющей мыслить нашу смерть как малозначимое событие.

Дело в том, что смерть, подобно другим современным экзистенциальным феноменам, не может быть рассмотрена в том же ключе, в котором мы изучаем природные явления. Ее нельзя мыслить как натуральный объект, как некоторую сущность, имеющую такие-то и такие-то характеристики. Безусловно, мы постоянно влипаем в свои представления, начинаем их мыслить и переживать как натуральные объекты, нам кажется, что смерть всегда была и всегда одна. Этот взгляд (точнее, привычка нашего сознания) неправилен, смерть вообще не природный объект, смерть всегда видится сквозь «очки культуры», всегда истолковывается сознанием и на определенном языке. Таким образом, современное понимание смерти предполагает ее «распредмечивание», преодоление натурального восприятия. Что, конечно, предполагает напряженную интеллектуальную работу. И не только интеллектуальную, но и работу жизни.

При этом, вероятно, есть два разных аспекта: критический и конструктивный. Критическое осмысление явления смерти, но осмысление самостоятельное, а не как готовое знание, может, например, показать, что лишенность и исчезновение (а так мы обычно понимаем смерть) связаны не только со старением и физической смертью. Мы можем так строить свою жизнь, что она постоянно будет усекается и страдать, мы можем сделать свою жизнь просто невозможной еще при жизни и цве-

тущем физическом здоровье. Далее наша жизнь уничтожается и исчезает, если мы не можем себя реализовать, поэтому, кстати, многие люди, дожившие до глубокого преклонного возраста, панически боятся смерти, ощущая, что их жизнь пролетела как сон, а они совсем еще не жили. Но и продолжение жизни за определенным порогом (когда уже полностью иссякли силы и энергия или мучат тяжелые болезни, совесть и т.п.) может быстро подтачивать жизнь, сделать ее невозможной, а смерть желанной. Короче, и жизнь и смерть можно увидеть и пережить по-разному.

Не менее существенно, как мы строим свою жизнь и понимаем себя, и, в частности, включаем ли мы смерть в свою жизнь, т.е. обдумываем ли мы ее и свою жизнь, работаем ли мы над ними. Если, например, я полностью себя реализую, живу Культурой и Вечным (как бы Вечность ни понимать — как тайну, Бога, духовную жизнь), поддерживаю свое здоровье до тех пор, пока полноценно живу и себя реализую, то смерть как лишение жизни для меня просто не существует. Мне нечего бояться: живя Вечным, я бессмертен, полностью реализовав себя при жизни, мне нечего там, после смерти, делать, сохранив и исчерпав до конца свое здоровье, я уйду безболезненно и спокойно. При этом я должен понимать себя не только как конечное и поэтому смертное существо, но и как часть, момент Целого (Культуры, Духа, божественной или космической жизни, Реальности и т.п.), как творца собственной жизни, как полностью присутствующего в вечно длящихся и неслучившихся событиях Жизни.

Но все же почему мы не можем принять идею своего исчезновения как естественный ход событий? Скажем, сейчас за окном идет снег, он белый, а ворона на старой березе черная. Все это не хорошо и не плохо. Так есть. Почему мы собственную смерть не можем воспринять в естественной модальности — так есть, боги бессмертны, а люди смертны.

Однако подумаем, что значит для человека помыслить свое исчезновение навсегда. Не осознавать ничего, не присутствовать в мире, не общаться ни с кем, ничего не переживать, не, не, не. Но ведь когда мы спим, мы тоже вроде бы не, не, не. Ничего подобного: сплю я не вечно, а от силы 8–10 часов в сутки. К тому же сон мы воспринимаем как очищение, восстановление, а не как исчезновение. Интересно, что многие люди как бы вычеркивают сон из бытия, соединяя непрерывной линией только разорванные периоды бодрствования.

В отличие от сна смерть — это, так сказать, отрицательное бытие, именно не, не, не, при том что человек есть. Хотя я существую, но я не осознаю, не чувствую, не переживаю, не действую. Однако что значит «я есть», причем вечно, где я существую? Не правда ли, в моем воображении, в знании? В знании и воображении мы живем вечно, а реально очень малый срок. Но что значит реально? Кто знает, сколько я еще проживу — пять лет, десять, сто или вечно? Опять это всего лишь знание, коллективный опыт людей, к которому я почему-то присоединяюсь. Могу и не присоединяться. Или не могу?

Но если присоединяюсь, если принимаю силлогизм «Люди смерт-

ны, Сократ человек, следовательно, Сократ смертен», то должен понимать, что когда я умру, то меня не будет и, следовательно, мое бытие ни в положительной, ни в отрицательной форме существовать не может. Не будет меня в будущем никаким образом, поэтому и бояться нечего. Но будут мои близкие, другие люди, человечество. И мне, живущему здесь и сейчас, не безразлично, как они будут жить. Если я человек, то должен быть проникнут заботой о качестве будущей жизни.

Страх перед смертью, перед исчезновением — это в значительной степени ловушка нашего сознания. Привыкнув жить в знании и воображении, которые вневременны, мы продолжаем жить и тогда, когда нас уже не должно быть. Это парадокс, но закономерный, обусловленный семиотической природой человеческого сознания. Вырваться из этого капкана не просто, если вообще возможно. Цена освобождения — отказ от личности. Да, я могу реально жить вечно, если поверю, что есть Бог как вечная жизнь и любовь и я после смерти с ним сольюсь, т.е. откажусь от себя, от своей личности. Слившись с Богом, сорастворяясь в нем, я не смогу уже сохранить свое Я. Или все же смогу?

Но если для меня после смерти бытия нет, то к чему тогда готовиться? Что значит достойно встретить смерть? Не означает ли это продумать и пережить свою жизнь и смерть и, главное, перевести отношение к смерти в план реальных дел? Но есть ли большая разница между окончанием жизни и любым ее моментом? Не меньше ли, чем подготовка к смерти, необходимо мужество, чтобы

достойно выдерживать обычную жизнь с ее уклоном от задуманного, с мечтами и идеалами, которые не осуществились? К тому же понимая и зная, что происходит в мире и с миром или значительно ближе — в твоей семье. Разве меньше нужно мужества, чтобы не впасть в отчаяние, верить, выполнять свой долг, идти своим путем? Ради чего? Ну, хотя бы ради себя, близких, других людей.

Страх перед смертью — это, вероятно, попытка продлить жизнь за ее пределами, попытка, парализующая саму жизнь, сокращающая ее. Да, но жалко расставаться с мечтой. Мечта так сладка. Жалко, нет, не жалко. Лучше полноценно жить здесь, быть «бессмертным» в жизни, чем не жить, а только готовиться к вечной жизни, которая, вероятнее всего, никогда не наступит. Свободный человек и свободный дух живут везде, где захотят. Они залетают на многие десятилетия в будущее или отправляются в далекое прошлое. Общаются с существами с других

планет, отделенных от нас тысячами световых лет, или плачут по поводу детской сказки. Конечно, все это происходит в мысли, в воображении, но не такова ли вообще жизнь?

Когда, подумал я под занавес, я обнимаю и целую Наташу, в моем воображении и мысли встают мадонны и прекрасные женщины мирового искусства, я переживаю родственность, легко переносюсь в прошлое, когда Наташа была еще совсем юной. Где это все существует? В знании и в воображении, но и во мне, в моих ощущениях, ладонях и губах. Так и в духовной жизни. Где я общаюсь с Платоном или Аристотелем, как посещаю будущее или другие планеты, каким образом сливаюсь со вселенной? Все это совершается в знании и воображении и в реальной духовной жизни. Это и есть практическое бессмертие, но именно Здесь. И эта жизнь вечная, если не только ради меня, но и ради моих близких, других людей, ради будущего и прошлого. Да, и прошлого, без которого нет будущего.

Литература

Аксенов Г.П. От абсолютного времени и пространства И. Ньютона к биологическому времени-пространству В.И. Вернадского. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/aksyonov_ot_absolyutnogo.htm.

Введение в трансгуманизм. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/70/94/>.

Вернадский В.И. Изучение явлений жизни и новая физика // Труды по биогеохимии и геохимии почв. М.: Наука, 1992.

Дикон Р.А. Производство субъективности // Логос. 2008. № 2 (65).

Жульен Ф. О «времени». Элементы философии «жить». М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Иванов В. Дионис и прадионисийство. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1994.

Платон. Государство // Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1994а.

Платон. Менон // Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1990.

Платон. Послезаконие // Собр. соч. В 4 т. Т. 4. М., 1994б.